

ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОСНОВАН 3 ІЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАН В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ІЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ, ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 ГОДА И ДО ДЕКАБРЯ 1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE MENSUELLE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction
PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

N° 165
SEPTEMBRE 1965

P A R I S
73, avenue des Champs-Élysées, (VIIIe)
Tél. : ELYsées 06-03

СОДЕРЖАНІЕ

Стр

НАШИ ВРАГА! Редакціонная статья	5
М. КАРАТЪБЕВ. Богатыри проснулись. (Окончаніе второй части)	7
Иван ЛУКАШ. Медвѣдь Серафима	21
Николай ТАТИЩЕВ. Борис Поцлавскій поэт самопознанія	26
Борис ПОЦЛАВСКІИ. Стихотворенія	38
В. Н. ИЛЬИН. Андрей Бѣлый и псевдо-научная легенда о связи генія и помѣшательства	42
Алексѣй УГРЮМОВ. Три стихотворенія	54
Н. УДЬЯНОВ. Происхожденіе украинскаго сепаратизма	56
П. Л. БАРК. Воспоминанія	78
Сергѣй ЛѢСНОЙ. "Академик-путешественник" П. К. Козлов. (Из личныхъ воспоминаній)	94
Из писемъ А. В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС	103
Людмила КЕЛЕР. Новыя вѣянія	111
В. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКІИ. По поводу книги В. И. Чер- нявскаго "П. П. Семенов-Тян-Шанскій и его труды по географіи"	118
П. Е. СТОГОВ. Вопросы науки, техники и стратегіи	124
Б. БОРИСОВ. По "ту" сторону	129
Я. Н. ГОРБОВ. Литературныя замѣтки: Д. Кле- новскій "Разрозненная тайна" — Н. М. Языков, С. Д. Позднышев, А. П. Тучков "Помни Правду" — Сергѣй Лѣсной "Пѣсни природы" — Галина Соболева "Не- видимка"	141
Кн. С. ОБОЛЕНСКІИ. Дѣла и Люди: Над кѣмъ смѣтеть? — Соціалистическій фиговый листъ — Всесторонній кризисъ — Напрасныя усилія	153

КОНТОРА ЖУРНАЛА «ВОЗРОЖДЕНІЕ»

открыта ежедневно, кромѣ суббот и праздничныхъ дней,
от 14 ч. 30 м. до 18 ч. 30 м.

Подписка, продажа, справки и объявленія.

ВОСПОМИНАНІЯ

ГЛАВА XI

(Продолженіе) *)

По моем возвращеніи в отель ко мнѣ зашел Ллойд-Джордж и сказал, что для достиженія благопріятныхъ результатовъ в дѣлѣ подкрѣпленія Англійскаго Банка золотомъ за счетъ резерва *Banque de France*, имъ предприняты нѣкоторые шаги частнаго характера и, между прочимъ, приглашен на частное собесѣдованіе баронъ Эдуардъ Ротшильд, имѣющій большое вліяніе в этомъ Банкѣ в качествѣ члена его совѣта. Ллойд-Джордж просилъ меня принять участіе в собесѣдованіи и поддержать его доводы. Я охотно согласился и мы сейчасъ же направились в помѣщеніе Ллойд-Джорджа, такъ какъ баронъ Ротшильд долженъ былъ явиться безъ замедленія. В немъ мы нашли человѣка, гораздо болѣе гибкаго и способнаго ориентироваться в исключительныхъ финансовыхъ условіяхъ международнаго характера, созданныхъ европейской войной, чѣмъ французскіе государственные дѣятели.

Понятно, что по должности члена совѣта *Banque de France* — онъ прежде всего выдвинулъ интересы этого банка, но засимъ очень быстро освоился съ принципомъ провозглашеннымъ Ллойд-Джорджемъ о необходимости объединенія ресурсовъ союзниковъ для достиженія общей цѣли, призналъ снабженіе в нужную минуту Англійскаго Банка золотомъ за счетъ русскихъ и французскихъ резервовъ мѣрой не толькой справедливой, но и цѣлесообразной и обѣщалъ намъ полное содѣйствіе при обсужденіи этого вопроса в совѣтѣ *Banque de France*. Ко мнѣ баронъ Ротшильд обратился со специальной просьбой назначить ему и его дядѣ, главѣ парижскаго дома Ротшильдов, особую аудіенцію для бесѣды относительно возможнаго облегченія участи ихъ единовѣрцевъ в зонѣ военныхъ дѣйствій в Польшѣ. Выразивъ согласіе на это собесѣдованіе я съ своей стороны попросилъ Эдуарда Ротшильда использовать свое вліяніе также для ускоренія переговоровъ Французскаго Банка съ Рафаловичемъ об открытіи кредита Государственному Банку в пятьсотъ милліоновъ франковъ и заручился его согласіемъ.

На слѣдующій день, в четверг, утромъ продолжались работы финансовой конференціи в кабинетѣ Рибо. Онъ предупредилъ насъ, что вопросъ о золотѣ не можетъ быть еще рѣшенъ, такъ какъ окончательное сужденіе по этому дѣлу должно состояться в совѣтѣ *Banque de France* в этотъ же день; тѣмъ не менѣе Ллойд-Джорджъ формулировалъ свое окончательное предложеніе, пояснивъ, что общій резервъ англійскаго казначейства,

*) См. "Возрожденіе" №№ 157-164.

обезпечиваючий выпуск казначейских свидѣтельств, и Англійскаго Банка, обезпечиваючий выпуск банкнот, не должен понижаться ниже восьмидесяти милліонов фунтов стерлингов (около 800 милліонов рублей). Резерв англійскаго казначейства составлял тогда 26,5 милліонов фунтов стерлингов, а резерв Англійскаго Банка нѣсколько менѣе 60 милліонов ф. ст. Если же требованія, которыя будут предъявлены к англійским финансам со стороны союзников, поведут к сокращенію размѣннаго фонда ниже указанной цифры в 80 милліонов ф. ст., то в таком случаѣ Англійскій Банк должен получить подкрѣпленіе золотом в размѣръ 12 милліонов ф. ст., при чем сумма эта дѣлится между Французским Банком и Русским Государственным Банком поровну.

Золотой запас нашего Государственнаго Банка составлял в то время 1 милліард 600 милліонов рублей, т. е. превышал вдвое указанную Ллойд-Джорджем сумму необходимаго резерва для Англій, размѣнный фонд Французскаго Банка был нѣсколько меньше запаса Государственнаго Банка, и при таком соотношеніи золотых резервов я считал формулировку Ллойд-Джорджа вполне приемимой, что и высказал на засѣданіи, не дѣлая никаких оговорок. Со своей стороны я настаивал на открытіи кредита Россіи в размѣръ 100 милліонов фунтов стерлингов (около 1 милліарда рублей). Ллойд-Джордж выразил на это согласіе, но добавил, что эта помощь Россіи должна быть оказана также поровну двумя союзниками — Англійей и Франціей. Рибо стал категорически против этого протестовать, указывая на чрезвычайно затруднительное положеніе и французской казны, и Французскаго Банка, а также на то, что едва ли Франція будет в состояніи снабдить Россію предметами военнаго снаряженія в крупных размѣрах. Ясно, что платежи Россіи в предѣлах Франціи будут невелики, главная часть расходов придется на Англійю, Соединенные Штаты и другія нейтральныя страны, т. е. в такія мѣста, гдѣ французское казначейство не располагает свободной наличностью.

Ллойд-Джордж рѣшительно опровергал доводы Рибо, возвращаясь постоянно к своему основному тезису о необходимости объединенія всѣх финансовых ресурсов союзников. Он доказывал, что они обязаны в одинаковой мѣрѣ брать на себя денежную отвѣтственность. Производство платежей за границей представляет большія техническія препятствія не только для Россіи и для Франціи, но также и для Англій, и если по русским военным заказам придется расплачиваться в Сѣверо-Американских Соединенных Штатах, то англійскій канцлер казначейства может быть поставлен в не меньшія затрудненія, чѣм Рибо в изысканіи соотвѣтственных платежных средств; тѣм не менѣе Ллойд-Джордж понимает, что способы для таких расплат найти необходимо, и потому он с полной готовностью пойдет на открытіе нужнаго для Россіи кредита, но при непремѣнном условіи, что в таком кредитѣ Франція примет участіе в равной суммѣ. Послѣ долгих препирательств Рибо, наконец, уступил и согласился участвовать наравнѣ с Англійей в открытіи кредита Россіи. По вопросу о поддержкѣ русскаго размѣннаго курса

Рибо послѣ нѣкоторых преній былъ вынужденъ примкнуть къ точкѣ зрѣнія Ллойд-Джорджа, который вскорѣ согласился въ мои доводами и призналъ необходимымъ указать въ протоколѣ на серьезность этого вопроса и на необходимость принятія реальныхъ мѣр для предупрежденія обезцѣненія русской валюты. Первый шагъ в этомъ направленіи долженъ былъ состояться путемъ сѣларатнаго соглашенія съ Французскимъ Банкомъ, переговоры съ коимъ успѣшно продвигались впередъ благодаря умной настойчивости агента Министерства Финансовъ въ Парижѣ Рафаловича.

Я былъ чрезвычайно доволенъ ходомъ работъ нашей конференціи и, по правдѣ сказать, даже не ожидалъ такого благоприятнаго рѣшенія по всѣмъ выставленнымъ мною требованіямъ. Всѣ мои основныя положенія оказались принятыми: 1) кредитъ въ 1 миллиардъ рублей обезпеченъ, 2) открытіе кредита не обусловлено высылкой золота, 3) признана необходимость поддержанія русскаго размѣннаго курса и должно было послѣдовать особое соглашеніе по этому предмету съ Французскимъ Банкомъ. Что же касается до поддержки в трудную минуту Англійскаго Банка за счетъ золотого резерва Французскаго и нашего Государственнаго Банка, то и в этомъ вопросѣ русскіе интересы оказались вполне огражденными благодаря принятію моей формулы, в силу коей золото должно было быть отдано Англійскому Банку не въ собственность взаимъ иностранной валюты, а лишь въ ссуду, взаимъ векселей англійскаго казначейства съ обязательствомъ возвратитъ полученный звонкій металлъ по принадлежности въ опредѣленные сроки. Эти результаты были достигнуты благодаря двумъ факторамъ, оказавшимъ огромное вліяніе на ходъ переговоровъ. Прежде всего имѣлъ значеніе авторитетъ Россіи, стоявшій в началѣ 1915 года очень высоко въ союзныхъ странахъ. Не слѣдуетъ забывать, что мы в то время овладѣли Галиціей, заняли Львовъ, взяли Перемышль, были на Карпатахъ и готовы были спуститься въ Венгерскую долину. Вторженіе в Восточную Пруссію, сопровождавшееся, правда, черезмѣрными для насъ жертвами, позволило французамъ собраться съ силами и въ блестящемъ сраженіи на Марнѣ остановить побѣдное шествіе германцевъ на Парижъ. Французское правительство, покинувшее было столицу, только что вернулось из Бордо и не успѣло еще вполне соразмѣрить имѣвшіяся въ его распоряженіи средства съ измѣнившимися къ лучшему обстоятельствами. В Англійи только начинали сознавать необходимость формированія большой сухопутной арміи и планы Китченера о спѣшномъ образованіи войска въ три милліона штыковъ казались чуть ли не фантастичными, в лучшемъ случаѣ трудно осуществимыми. По сравненію съ обѣими союзницами мощь Россіи казалась неисчерпаемой, многіе во Франціи продолжали строить всѣ свои надежды на томъ, что побѣдоносное русское войско будетъ скоро въ Берлинѣ, а в Англійи давнее недовѣрье и даже недоброжелательство къ Россіи начинало уступать мѣсто удивленію и симпатіи. Обаятельная личность Ллойд-Джорджа, коему принадлежала инициатива по созыву финансовой конференціи, также много способствовала быстрому и успѣшному разрѣшенію возникшихъ на конференціи вопросовъ. По счастливому

стеченію обстоятельств интересы Россіи и Англіи на конференціи не оказались противоположными, очень скоро найден был между Ллойд-Джорджем и мною компромисный путь для улаженія нѣкоторых разнорѣчій и на моей сторонѣ оказался такой блестящій союзник как англійскій канцлер казначейства, против нападенія коего совмѣстно со мной, опытному в парламентских дебатах Рибо трудно было устоять.

Таким образом, на финансовой конференціи образовалась благоприятная атмосфера, которая дала мнѣ возможность достигнуть тѣх цѣлей, о коих я докладывал Государю на прощальной аудіенціи. Правда, вопрос о золотѣ не получил окончательнаго разрѣшенія, должно было еще послѣдовать его обсужденіе в совѣтѣ *Banque de France*, но с тѣх пор как Ллойд-Джордж заручился поддержкой барона Эдуарда Ротшильда я был убѣжден, что успѣх в этом дѣлѣ обезпечен, в чем я не ошибся, несмотря на осторожныя сужденія, которыя мы уже слышали и которыя нам предстояло еще выслушать от Президента Пуанкаре и членов правительства.

На утреннем засѣданіи в четверг должны были по существу закончиться всѣ наши пренія; послѣ засѣданія нам предстоял завтрак, устроенный в нашу честь Президентом Республики в Елисейском дворцѣ, вечером Рибо обѣщал нам прислать проект протокола наших засѣданій, а на слѣдующій день, в пятницу, в 10 час. утра, мы должны были собраться в кабинетѣ Рибо, на заключительное засѣданіе, для окончательнаго редактированія протокола и его подписанія.

На этом завтракѣ я впервые имѣл случай быть представленным госпожѣ Пуанкаре и убѣдился, насколько в Елисейском дворцѣ тяжело ощущались всѣ испытанія, выпавшія на долю Франціи. Мнѣ довольно долго пришлось бесѣдовать с супругой Президента Республики, и она мнѣ подробно, в ярких красках передавала переживанія французов во время стремительнаго наступленія германцев на Париж. Мнѣ казалось, что она своим рассказом хотѣла объяснить, почему Президент уступил настояніям правительства и согласился переѣхать в Бордо, и она как бы оправдывалась за стремительность такого переѣзда, который был похож на бѣгство. Успѣх французскаго оружія на Марнѣ измѣнил всю обстановку, и дальнѣйшія событія показали, что правительство слишком поторопилось, однако, до этого поворотнаго момента первой стадіи войны трудно было, конечно, с точностью предвидѣть ход военных дѣйствій. “Раймон”, как называла г-жа Пункаре своего мужа, считал себя обязанным прислушиваться к благоразумному голосу нѣкоторых членов правительства, которые настаивали на отъѣздѣ. На рѣшеніях совѣта министров отражалось и настроеніе тѣх его членов, которые еще живо помнили осаду и взятіе Парижа в 1870 году. В их глазах опасность вражескаго нашествія принимала вполне осязательную форму, их воображенію представлялись картины прошлой войны и в видах принятія своевременных мѣр предосторожности они особенно торопили с отъездом. Мнѣ было слегка неловко выслушивать

оправданія г-жи Пуанкаре по поводу принятаго правительством послѣдшаго рѣшенія об эвакуаціи столицы, и я отвѣтил, что у нас эта мѣра была истолкована как благоразумный шаг, сдѣланный заблаговременно, для предупрежденія напрасной паники, которая стала бы неизбѣжной если бы необходимыя по эвакуаціи распоряженія и дѣйствія были отложены до послѣдней минуты. Видя во мнѣ отсутствіе какого бы то ни было желанія критиковать французское правительство за его нервную послѣдственность, г-жа Пуанкаре с большей довѣрчивостью продолжала разговор со мной и указала на то, что многіе в Парижѣ продолжают опасаться за судьбу столицы Франціи, что настроеніе у большинства остается очень тревожным, но что всѣ с огромной надеждой взирают на далекую союзницу на востокѣ, уповая на ея неизсякаемую мощь.

За завтраком я сидѣлъ между Президентом Пуанкаре и председателем совѣта министров Вивіани и воспользовался этим, чтобы еще раз затронуть вопрос о поддержкѣ Англійскаго Банка золотом за счет резервов союзников, который еще остался на финансовой конференціи нерѣшенным. Повидимому, в совѣтѣ министров это дѣло возбудило большія пренія, так как Пуанкаре и Вивіани привели мнѣ безчисленное количество доводов, почему *Banque de France* не может быть привлечен к оказанію помощи англичанам в равной мѣрѣ, как русскій Государственный Банк, но несмотря на всѣ их возраженія я имѣлъ такое ощущеніе, что правительство пришло к убѣжденію о необходимости найти какой нибудь компромис для удовлетворенія требованій, предъявленных Ллойд-Джорджем. Я говорил со своими сосѣдями также об оказаніи помощи гражданскому населенію Бельгіи; дѣло в том, что бельгійскій предсѣдатель совѣта министров, барон Броквиль и министр финансов, имени коего не припомню, воспользовались пребываніем Ллойд-Джорджа и моим во Франціи, чтобы возбудить ходатайство об ассигнованіи за счет союзников спеціального кредита для перевода денег в Бельгію, на нужды гражданскаго населенія, указывая на чрезвычайно тяжелое положеніе своих соотечественников, оставшихся под владичеством германцев. Бельгійскіе министры пріѣхали из Гавра, гдѣ имѣлъ пребываніе король Альберт со своим правительством, и старались убѣдить министров финансов трех великих держав в необходимости срочной помощи бѣдствующему населенію Бельгіи. Рибо встал в этом вопросѣ на точку зрѣнія исключительно военных интересов. Он говорил, что забота о населеніи в оккупированных мѣстностях ложится на германцев и хотя нельзя надѣяться, чтобы нѣмцы проявили много человѣколюбія, но тѣм не менѣе трудно предполагать, чтобы они относились совершенно безучастно к нуждам населенія. Если же союзники будут пересылать деньги гражданскому населенію Бельгіи, то прежде всего они этим снимут с германцев заботу о соответственном прокормленіи населенія, облегчат положеніе германцев и таким образом поспособствуют врагу. Имѣется и еще одна опасность, — что деньги, предназначенныя для бельгійскаго населенія, не дойдут до назна-

ченія, а будут задержаны германцами. В этом послѣднем случаѣ не только не будет достигнута намѣченная цѣль, но германцы получат уже прямую поддержку со стороны союзников. По этим основаніям Рибо, скрѣпя сердце, но вполне сознательно высказался против пересылки денег на нужды бельгійскаго населенія в оккупированных мѣстностях, подкрѣпляя свои аргументы тѣм, что французское правительство не посылает никаких денег французскому населенію в департаментах, занятых нѣмцами. Ллойд-Джордж придерживался иного взгляда и говорил, что там, гдѣ идет рѣчь о сохраненіи жизни бѣдствующаго населенія союзников, категорически рѣшенія едва ли умѣстны. Само собой разумѣется, что союзники должны избѣгать всего, что могло бы оказать прямую или косвенную помощь врагу, но перевод денег в Бельгію мог бы быть обставлен такими условіями, при соблюденіи коих имѣлась бы увѣренность в том, что онѣ доходят по назначенію. Он пояснил, что в Лондонѣ, по почину американца Рокфеллера, образовалось особое общество, которое поставило себѣ задачей оказывать помощь бѣдствующему населенію в Бельгіи, имѣет многих своих представителей в мѣстностях, занятых германцами, и наблюдает за тѣм, чтобы пожертвованныя суммы передавались по назначенію. Союзныя правительства могли бы воспользоваться этой готовой организаціей частнаго характера, и ея содѣйствіе могло бы служить гарантіей против злоупотребленій. Пуанкаре и Вивіани были болѣе склонны притти на помощь несчастным бельгійцам, чѣм Рибо; хотя они также высказывали свои опасенія по поводу пересылки денег в мѣстности, находящіяся во власти германцев, они соглашались съестъ способ предложенный Ллойд-Джорджем за нѣкоторое огражденіе интересов союзников. Послѣ завтрака бесѣда приглашенных в апартаменты Елисейскаго дворца продолжалась недолго и мы вскорѣ разошлись.

По возвращеніи к себѣ я с нетерпѣніем ожидал присылки проекта протокола наших засѣданій, который был доставлен из министерства финансов только поздно вечером. Когда я ознакомился с его текстом, я пришел в полное изумленіе. Оказалось, что вопрос об открытіи кредита Россіи был изложен таким образом, что мое заявленіе о кредитѣ в сто милліонов фунтов стерлингов принято к свѣдѣнію, и что по мѣрѣ возникающих требованій со стороны русскаго государственнаго казначейства удовлетвореніе такихъ будет зависѣть от послѣдующих по сему предмету согласеній. Относительно поддержки русскаго размѣннаго курса была помѣщена также очень туманная фраза, никого ни к чему не обязывающая. Текст этот был типичным образцом канцелярскаго стиля, закругленная форма лишена была всякаго практическаго содержанія. Такое поведеніе французскаго министра финансов возмутило меня до глубины души. Чувство удовлетворенія, испытанное мною утром, послѣ окончанія работ конференціи, когда всѣ интересовавшіе меня вопросы были рѣшены согласно моему желанію, уступило мѣсто полному разочарованію. Я не мог себѣ объяснить, каким образом, во время исполинской борьбы с общим врагом, при переговорах членов

правительств союзных стран, могут существовать такія отношенія между союзниками, при коих допустимо изложеніе послѣдовавших на конференціи рѣшеній в настолько искаженном видѣ, что эти рѣшенія теряют, для заинтересованнаго союзника, всякій практическій смысл. Под первым впечатлѣніем я, несмотря на поздній час, хотѣлъ тотчас же пойти к Ллойд-Джорджу, засим направиться к А. П. Извольскому и привлечь его к рѣшительному протесту против такого недостойнаго образа дѣйствій со стороны французскаго правительства, в лицѣ одного из виднѣйших его представителей. Поборов, однако, это мое первое побужденіе, я вспомнил извѣстное изреченіе Бисмарка, который в критическія минуты дипломатических переговоров говорил: «*la mauvaise humeur n'est pas un état d'esprit politique*» и рѣшил отнестись к этому маневру Рибо совершенно спокойно, сдѣлав попытку уладить инцидент путем конфиденціальной бесѣды с ним. Обращеніе же к Ллойд-Джорджу и к А. П. Извольскому я оставил в качествѣ резерва, полагая, что всегда останется время поднять скандал, если бы Рибо уклонился от правильнаго изложенія в протоколѣ принятых на финансовой конференціи рѣшеній. Должен сознаться, что ночь я провел очень плохо; искреннее отношеніе при веденіи переговоров уступило мѣсто полному недовѣрью к французскому правительству, я соображал различные планы дѣйствій на случай того или иного поведенія Рибо и возможнаго возникновенія нежелательнаго конфликта.

В 9 часов утра, в пятницу, я был уже в кабинетѣ Рибо, рассчитывая в теченіе часа до заключительнаго засѣданія конференціи достигнуть измѣненія текста присланнаго мнѣ проекта протокола в желательном для меня смыслѣ. Я составил другой текст по вопросам затрагивающим русскіе интересы, в полном соотвѣтствіи с принятыми на конференціи рѣшеніями, и начал свою бесѣду с Рибо указаніем на то, что, вѣроятно, по недосмотру канцеляріи, проскользнуло в проектѣ протокола не вполне точное изложеніе постановленій конференціи. Рибо пытался меня убѣдить, что в присланном им текстѣ русскіе интересы вполне ограждены, что русскому казначейству не сразу потребуются всѣ сто милліонов фунтов стерлингов, когда же возникнет необходимость в тѣх или иных заграничных платежах, то русское правительство может быть вполне увѣрено в том, что союзники окажут ему надлежащее содѣйствіе. Я отвѣтил, что насколько не сомнѣваюсь в добром расположеніи союзников к Россіи и в их желаніи поддержать русское правительство в нужную минуту и именно поэтому настаиваю на том, чтобы текст протокола был принят в предлагаемой мною редакціи, так как увѣрен, что и французскій министр финансов захочет подтвердить выказываемое им расположеніе полным соотвѣтствіем протокола с сужденіями происходившими на конференціи и с принятыми рѣшеніями. Послѣ цѣлаго ряда пустых фраз, имѣвших цѣлью побудить меня подписать ничего не значащій протокол, Рибо, наконец, убѣдился в том, что ему не удастся сбить меня с моей позиціи и согласился принять цѣликом составленный мною текст.

Эта бесѣда произвела на меня самое удручающее впечатлѣніе и тяжелым гнетом легла на моей душѣ. У меня начало создаваться убѣжденіе, что огромная Россія остается совершенно изолированной в страшной борьбѣ с общим врагом, что рассчитывать на надлежащую помощь со стороны союзников, по крайней мѣрѣ Франціи, в нужную минуту, не приходится и необходимо уповать на свои силы. Различные знаки вышшняго вниманія, приемы, любезныя фразы, награжденіе орденом Почетнаго Легіона высшей степени и тому подобное казались мнѣ каким-то диссонансом с тѣм отношеніем в вопросах дѣлового характера, которое напоминало скорѣе приемы, примѣняемые в странах врагов, а не среди союзников. К сожалѣнію, это впечатлѣніе у меня только крѣпилось со временем при дальнѣйших переговорах не только с французами, но и с англичанами.

Вообще пребываніе мое в Парижѣ в январѣ 1915 г. оставило во мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Я очень любил столицу Франціи и почти ежегодно посѣщал ее, иногда по дѣлам, большей же частью в качествѣ туриста, и всегда преклонялся перед этой сокровищницей французскаго генія и труда. Здѣсь сосредотачивалась вся энергія Богом одареннаго французскаго народа, и постоянно развивавшійся во всѣх областях успѣх народнаго труда поражал непредубѣжденнаго путешественника. Музеи с богатыми коллекціями стараго искусства, галереи картин современных художников, выставки автомобилей, аэропланов, интересныя научныя лекціи, новинки в театрах давали богатѣйшій матерьял для изученія французской науки, искусства, литературы, промышленности. Чувствовалось, что жизнь во Франціи бьет ключом, и несмотря на грозныя предостереженія патріотов, боявшихся упадка Франціи в виду сокращенія рождаемости, иностранец не только не замѣчал обычных признаков вырожденія, но поражался головокружительному расцвѣту Франціи во всѣх областях знанія. В январѣ 1915 г. Париж представлял собою мертвый город. Музеи и галереи закрыты, цѣнныя произведенія искусства частью вывезены, частью спрятаны в подвалах для огражденія от возможной бомбардировки, театры закрыты, в магазинах, обычно переполненных народом, пустота, отсутствуют не только покупатели, но и большинство продавцев, так как весь цвѣтъ мужскаго населенія призван под знамена и дома остались только дѣти, женщины и старики. В видах экономіи угля улицы по вечерам рано погружаются во мрак и пустѣют, но и днем отсутствует прежнее оживленіе. На бульварах, на Champs-Élysées, гдѣ всегда можно было видѣть нарядную веселую толпу, встрѣчаются серьезныя, озабоченныя лица, очень много дам и дѣтей в траурѣ. Вездѣ чувствуется угнетенное, подавленное настроеніе: и в магазинѣ, и в кабинетѣ государственнаго дѣятеля, в любом домѣ французскаго гражданина и на улицѣ. Война, о которой в теченіе долгих лѣтъ так много говорилось сначала как о неизбежной «revanche», в послѣдніе годы как о весьма вѣроятном тяжелом испытаніи, котораго желательно, однако, избѣжать, явилась тѣм не менѣе для народа полной неожиданностью. Всѣ настолько

освоились с мыслью, что о войнѣ постоянно говорят, но войны, в сущности, всѣ боятся и никто не хочет, призрак ея удается постоянно отдалять и поэтому, вѣроятно, ея и не будет, — что когда послѣдовало нападеніе германцев, суровая дѣйствительность обрушалась на население как гром из яснаго неба. Я уже упоминалъ, что друзья предсѣдателя совѣта министров Вивіани нашли его в кабинетѣ в совершенно подавленном состояніи духа послѣ посѣщенія германским послом фон-Шеном, который принес ноту с объявленіем войны. Французскій кабинет, принимавшій совмѣстно с русским и англійским правительствами самыя энергичныя мѣры для улаживанія дипломатическим путем разгоравшагося международнаго конфликта, несмотря на всѣ препятствія, чинимыя Германіей и Австро-Венгріей, продолжал вѣрить в успѣх начатых переговоров и потому нота Германіи явилась для Вивіани полной неожиданностью. Правительство тѣм болѣе растерялось, что сознавало неготовность Франціи в военном отношеніи. Развитіе социалистических идей, долгая пропаганда антимиитаризма, вліяніе парламентских дѣятелей на назначенія в арміи не могли, конечно, не оставить глубокаго слѣда среди войск. Не было настоящей дисциплины, офицеры относились друг к другу с недоувѣрем, опасаясь политических происков, генералы получали отвѣтственныя назначенія не по заслугам, а в зависимости от своей близости к видным парламентаріям. При таком состояніи вооруженных сил трудно было рассчитывать на успѣшное сопротивленіе в схваткѣ с врагом, который болѣе сорока лѣтъ готовился усердно к новому вооруженному столкновенію и у котораго всѣ области народной жизни были подчинены строгому милитаризму. Понятно, что французскій кабинет был охвачен тяжелым безпокойством, и первые его шаги послѣ разразившейся катастрофы отличались неуувѣренностью.

К счастью, при назначеніи главнокомандующаго выбор пал на генерала Жоффра, который своими самостоятельными и рѣшительными мѣропріятіями спас все положеніе. Франція несомнѣнно благодаря ему избѣгла разгрома; однако, выдающимся государственным дѣятелям и полководцам политическіе враги зачастую не прощают слишком больших успѣхов и прилагают всѣ усилія для устраненія черезчур видных из них. Той же участи подвергся и Жоффр; когда он завоевал всеобщую популярность и положеніе его в качествѣ генералиссимуса казалось непоколебимым, разные парламентаріи стали находить цѣлый ряд недостатков в его верховном водительствоѣ и добились того, что ему было пожаловано высшее военное отличіе — маршальскій жезл — но при условіи устраненія его от верховнаго командованія. Не лишне здѣсь отмѣтить, что честный и благородный маршал Жоффр отдавал должное той помощи, которая была оказана русскими войсками вторгнувшимися в Восточную Пруссію, благодаря чему нѣмцы сняли два корпуса с французскаго фронта и спѣшно перекинули их на восточный фронт, — это облегчило Жоффру выиграть сраженіе на Марнѣ и спасти Париж. “Я никогда не забуду тяжелых жертв, которыя русская армія

героически принесла при этих обстоятельствах, чтобы заставить врага во что бы то ни стало повернуться против нея”, — отмѣчает Жоффр в своей статьѣ посвященной русской арміи (Maréchal Joffre, Paris, 5 avril 1929. «Hommage à l'armée Russe»).

Не мало горечи и разочарованія испытал, вѣроятно, этот доблестный генерал, но, вмѣстѣ с тѣм, сознание, что онъ в трагическія минуты смертельной опасности создал боееспособную армію, оставившую побѣдоносное вторженіе непріятеля, должно было дать ему огромное удовлетвореніе. Я уже говорил, как онъ безопазднымъ разстрѣломъ своихъ бѣгущихъ солдатъ заставилъ охваченныя паникой войска возобновить атаки противъ непріятеля, какъ сковалъ желѣзной дисциплиной всю армію, увлекъ своимъ примѣромъ неопытныхъ в боевомъ дѣлѣ англичанъ и задержалъ продвиженіе нѣмцевъ блестящей побѣдой в исторической битвѣ на Марнѣ. Эти успѣхи достались ему, конечно, не даромъ, потребовалась непреклонная воля, неослабная энергія и неутомимый в продолженіи долгаго времени труд для достиженія поставленныхъ цѣлей, и хотя имя генерала Жоффра в началѣ 1915 г. было у всѣхъ на устахъ, тѣмъ не менѣе в Парижѣ далеко еще не было полной увѣренности, что непосредственная опасность для столицы Франціи устранена и что войско будетъ вполне надежнымъ оплотомъ противъ германскаго вторженія.

Эта неувѣренность чувствовалась во всѣхъ областяхъ и отражалась и на распоряженіяхъ правительства. Кабинетъ не былъ объединенъ, неоднократно возникали разногласія и весьма опытный и искусный кормчій Пуанкаре боролся с многочисленными затрудненіями, стремясь наладить весь государственный аппаратъ и считаясь вмѣстѣ с тѣмъ со всѣми особенностями политическаго строя Франціи. Необходимо было установить послѣдовательность и планомѣрность дѣйствій прежде всего в трехъ областяхъ государственнаго управленія: в военномъ дѣлѣ, в управленіи финансами и в международныхъ отношеніяхъ, при существующей же во Франціи системѣ, или скорѣе безсистемности, при постоянной смѣнѣ министровъ эта задача представлялась особенно сложной. Во Франціи было принято приглашать в качествѣ руководителей вѣдомствъ не специалистовъ, а выдающихся политическихъ дѣятелей, видныхъ представителей господствовавшей в данный моментъ парламентской партіи. Такими были, главнымъ образомъ, адвокаты, прошедшіе хорошую школу ораторскаго искусства и вполне освоившіеся с необходимыми приемами полемики в парламентѣ. В мирное время вся государственная машина привыкла функционировать при такихъ условіяхъ, когда будничное текущее дѣло исполнялось подлежащими департаментами министерствъ безъ замѣтнаго вліянія со стороны руководителей вѣдомствъ, исполнявшихъ большей частью гастролью по политическимъ выступленіямъ в Палатѣ Депутатовъ или в Сенатѣ. Недаромъ во Франціи сложилась знаменитая поговорка: «Les ministres passent, les bureaux restent».

Разразившаяся война предъявила, однако, к отдѣльнымъ министрамъ новыя требованія, выполненіе коихъ оказалось многимъ не под силу. Необходимо было разбираться в сложныхъ специальныхъ вопросахъ и при-

нимать немедленныя рѣшенія, для этого важно было быть вполне свѣдущим в своем вѣдомствѣ, а между тѣм видныя политическія дѣятели такими спеціальными познаніями не отличались, вслѣдствіе чего в тяжелыя минуты они или терялись, или принимали легкомысленныя рѣшенія под тѣм или иным посторонним вліяніем. Поэтому во Франціи с самаго начала войны продолжалась непрерывная смѣна руководителей на отвѣтственных министерских постах, парламент вполне справедливо находил постоянныя ошибки в дѣятельности отдѣльных вѣдомств и пытался их исправить комбинированіем тѣх или иных политических вліяній, останавливал иногда случайю свой выбор на выдающихся специалистах, которые, однако, скоро вновь уступали мѣсто менѣе свѣдущим, но и менѣе разборчивым в средствах к достиженію личнаго вліянія политическим дѣятелям.

Во главѣ военнаго министерства в кабинетѣ Вивіани находился Мильеран, если не ошибаюсь — адвокат по профессіи. Я не знаю, к какой он принадлежал партіи и чему он был обязан тѣм, что чрезвычайно отвѣтственный портфель военнаго министра во время тягчайшей войны попал в его руки. Каковы были его заслуги по военному вѣдомству, мнѣ тоже неизвѣстно, могу лишь сказать, что единственный раз, когда мнѣ пришлось его видѣть в секретном совѣщаніи, гдѣ обсуждался вопрос о посылкѣ экспедиціоннаго отряда союзных войск на Балканы, он произвел на меня довольно отрицательное впечатлѣніе. Говорил он с большим апломбом, приводил различныя цифровыя данныя о военных контингентах, но мнѣ казалось, что он докладывал различныя справки, изготовленныя в канцеляріях военнаго министерства и повторял мнѣнія чиновников военнаго своего вѣдомства. План Ллойд-Джорджа о вовлеченіи балканских государств в войну на сторонѣ Держав Согласія впервые с его стороны встрѣтил опредѣленныя возраженія и, несмотря на сочувственное отношеніе Россіи, не мог быть осуществлен своевременно вслѣдствіе упорнаго сопротивленія французскаго кабинета. Я позволю себѣ думать, что будь в началѣ 1915 г. во главѣ военнаго министерства во Франціи не почтенный парламентскій дѣятель, а опытный и просвѣщенный генерал, с хорошим военным образованіем, знающій военную исторію, с широким кругозором и рѣшительной волей, то Державы Согласія сумѣли бы осуществить правильную идею Ллойд-Джорджа и вывели бы Турцію из строя, что опредѣлило бы совершенной иной ход испанской борьбы.

Министром финансов в началѣ войны состоял Нуланс, также весьма почтенный парламентскій дѣятель, впоследствии занявшій пост посла в Петроградѣ, когда Палеолог покинул Россію послѣ происшедшаго переворота. Он был пятым министром финансов за двухлѣтній період, предшествовавшій войнѣ, и оказался совсѣм неподготовленным к разрѣшенію весьма сложных задач по финансовому управленію, возникших с открытіем военных дѣйствій. Его распоряженія отличались большою растерянностью, и этим объясняется, почему богатѣйшая Франція попала с начала войны в совершенно нелѣпное финансовое положеніе,

когда капиталисты, вслѣдствіе введеннаго мораторія по текущим счетам, не могли располагать своими вкладами, и весь кредитный аппарат оказался в тисках. К счастью, правительство вспомнило о маститом Рибо, который имѣл богатый опыт в финансовых вопросах, неоднократно находился во главѣ финансоваго вѣдомства, был также министром иностранных дѣл и премьером и считался даже конкурентом Пуанкаре на послѣдних президентских выборах. Несмотря на его провал в должности премьера за нѣсколько мѣсяцев до войны, когда он был освистан в Палатѣ Депутатов при первом своем выступленіи по образованіи новаго кабинета, Пуанкаре рѣшил пригласить его в кабинет Вивіани для руководства военными финансами и, дѣйствительно, не мог сдѣлать лучшаго выбора. Мнѣ, положим, неоднократно приходилось имѣть весьма непріятныя столкновенія с Рибо при моих переговорах о необходимых для Россіи кредитах и я находил в нем плохого союзника, недостаточно понимавшаго серьезность союзнических отношеній, но я должен отдать справедливость, что он был выдающимся министром финансов, глубоким знатоком вопросов своего вѣдомства, державшим нити всего дѣла в своих руках. Тот же Рибо, который был освистан в Палатѣ Депутатов лѣтом 1914 г., в теченіе первых двух лѣт міровой войны пользовался всеобщим уваженіем и огромным авторитетом в обѣих палатах. Его выступления сопровождались постоянным успѣхом, Палата Депутатов постановляла обычно, чтобы текст его рѣчей был напечатан и расклеен по всѣм департаментам Франціи. Когда пренія между правительством и парламентом приняли особо острую форму, Пуанкаре обратился к Рибо с просьбой преобразовать кабинет и стать в главѣ правительства с портфелем министра иностранных дѣл. И тот же Рибо вскорѣ опять утратил свой авторитет, возглавляемый им кабинет стал подвергаться рѣзкой критикѣ в обѣих законодательных палатах, и его мѣсто унаслѣдовал на короткое время Пэнлеве, а потом Клемансо, который уже с давняго времени приобрѣл мѣткую кличку: «*tombeur des ministères*».

Настроеніе законодательных палат мѣнялось в зависимости от той или иной группировки политических партій; каждая из них имѣла своих готовых кандидатов на должности премьера и министров, и затрудненія, возникавшія на пути правительства при выполненіи им безконечно тяжелых и сложных задач, связанных с веденіем міровой войны, давали этим партіям удобный повод обрушиваться с уничтожающей критикой на дѣятельность правительства и требовать новой смѣны кабинета. Правительство встрѣчало не поддержку в своей отвѣтственной работѣ, а препятствія и должно было непроизводительно тратить очень много времени для устраненія постоянных треній, задерживавших ход всей государственной машины. Смѣна кабинета нисколько не помогала дѣлу, так как новые министры не были непогрѣшимы и дѣлали новыя ошибки, что давало опять повод их политическим противникам в законодательных палатах, исповѣдывавшим принцип: «*côte-toi que je m'y mette*», начинать поход против них и добиваться их уст-

раненія. Развѣдавшее все политиканство, расцвѣтшее махровым цвѣтом в странах, гдѣ господствовал парламентарный режим, послужило, по моему глубокому убѣжденію, главной причиной неуспѣшности дѣйствій Держав Согласія в их борьбѣ с Германіей. Законодательныя палаты забыли, что им удѣлена область законодательства, и постоянно стремились, путем контроля над органами управленія, вмѣшиваться в самое управленіе. Власть исполнительная оставалась ограниченной в своей компетенціи, власть же законодательная хотѣла быть не только законодательной, но и исполнительной. Парламенты требовали, чтобы министры давали отчет в малѣйших своих дѣйствіях перед безконечным количеством комиссій, эти комиссіи были преисполнены сознанием важности своего контроля, требовали постоянного его расширенія, другими словами прямого участія в веденіи дѣла министрами, что приводило к столкновеніям и новой смѣнѣ лиц. При таких условіях, не могло быть рѣчи о самостоятельности правительственных органов и быстротѣ рѣшеній, министры были связаны безчисленными нитями, всякое их движеніе вызывало цѣлую серію возраженій. Наиболѣе покладистые предпочитали раздѣлять свою отвѣтственность с сонмом комиссій и не торопились в своем дѣлѣ, в то время, когда каждое промедленіе означало вознаграждаемую утрату в борьбѣ с недремлющим врагом, менѣе же покладистые предпочитали уйти, поддерживая этим общую неустойчивость, вызывавшуюся непрерывной смѣной лиц во главѣ вѣдомств.

Министром иностранных дѣл в началѣ 1915 г. состоялъ Делькассѣ, неоднократно руководившій иностранной политикой Франціи в разных кабинетах, убѣжденный враг Германіи и за нѣсколько лѣтъ до войны пострадавшій даже из-за своей рѣшительной политики, имѣвшей цѣлью изолировать Германію. Послѣ одного из многочисленных дипломатических конфликтов с Германіей, если не ошибаюсь послѣ Агадирскаго инцидента, он вынужден был оставить свой пост, в видах мирнаго улаженія возникшаго спора. Это был большой знаток своего дѣла, опытный дипломат и неутомимый работник. Для него весь интерес жизни сосредоточивался в трудѣ, с пяти часов утра он уже сидѣлъ за столом, в своем рабочем кабинетѣ, и про него никто не мог сказать, что он основывает свои рѣшенія на справках, составленных в канцеляріях министерства иностранных дѣл. Он распечатывал сам всю корреспонденцію, которая поступала на имя министра иностранных дѣл, добросовѣстно ее перечитывал и давал непосредственные указанія различным департаментам министерства. Я не знаю, каков он был в дѣловых сношеніях, так как по должности министра финансов я не имѣлъ с ним прямого дѣла, но впечатлѣніе, которое он произвел на меня в том же секретном совѣщаніи по вопросу об экспедиціи на Балканы, а также в своем кабинетѣ когда я заходил к нему с визитом, было самое благоприятное. Видно было, что человек знает чего он хочет, идет прямо к цѣли, на основаніи строго обдуманнаго плана, и принимает самостоятельныя рѣшенія вытекающія из его опыта и глубокаго знакомства со всей политической обстановкой. Я полагаю, что если бы

такіе выдаючіеся міністри как Рибо и Делькассэ оставались в течение всей войны во главѣ своих вѣдомств и если бы их коллеги были на подобной же высотѣ, то, несомнѣнно, ход войны был бы иной. Трагедія, однако, заключалась в том, что в парламентарных странах выдающихся государственных дѣятелей не терпят на их постах в течение продолжительнаго періода. Через нѣкоторый промежуток времени они вновь могут появиться у власти, но в карьерѣ каждаго из них наступает такой психологическій момент, когда они, именно вслѣдствіе своего большаго опыта и авторитета, становятся неудобны как для парламента, так иногда и для своих сочленов по кабинету, и тогда выдвигается тот или иной повод для их устраненія из состава правительства. В соотвѣтственный момент этот повод был найден и для Делькассэ — он уже в 1916 г. должен был оставить свой пост и был замѣнен Брианом, который соединил должность премьера с портфелем министра иностранных дѣл, а засим этот портфель переходил в руки Рибо и Пиншона.

Не меньше перемѣн происходило и на посту предсѣдателя совѣта министров, гдѣ, как я уже упоминал, чередовались за четыре года войны Вивіани, Бриан, Рибо, Пэнлеве и Клемансо. Если в частном предпріятіи, на фабрикѣ, заводѣ, в банкѣ собственники стремятся, в интересах дѣла, удержать возможно продолжительное время опытных руководителей на отвѣтственных должностях, и частая смѣна их признается безусловно вредной для правильнаго хода предпріятія, то насколько серьезнѣе и важнѣе, казалось бы, должна признаваться продолжительность службы опытных руководителей в области государственнаго управления. Между тѣм, практика парламентских стран этого принципа не признает, и получается совершенно удивительная картина, показывающая нам особенно частую смѣну членов правительства, стоящих во главѣ отвѣтственных вѣдомств, в странах с наиболѣе либеральной формой правленія и развитым парламентаризмом, — как напримѣр, во Франціи. Невольно приходят на память принципы, коими руководилась в области государственнаго управления Екатерина Великая, которая выдвигала на отвѣтственные посты талантливых людей и мирилась с нѣкоторыми их промахами. Несмотря на всѣ придворныя интриги она продолжала им довѣрять, находя, что умный и выдающійся человек, если и может ошибаться, то продолжительностью службы приобретает такой богатый опыт, который позволит ему принести неоцѣнимую пользу своей родинѣ и сторицей искупить недочеты, обусловленные нѣкоторыми его промахами. Плеяда исключительных государственных дѣятелей, окружавших трон Екатерины Великой, и блестящее ея царствованіе как будто подтверждают, что проводившіеся ею принципы в области государственнаго управления были правильны. Нѣтъ, впрочем, надобности итти так далеко вглубь исторіи для составленія такого вывода, достаточно сравнить методы управления в странах Согласія с методами, примѣнявшимися в Германіи. Само собой разумѣется, что Император Вильгельм не стал бы держать в числѣ своих отвѣтственных

сотрудников лицо, против коего явно высказывалось бы общественное мнѣніе, но это общественное мнѣніе не было выраженіем воли какой либо парламентской политической партіи, которая добивалась бы замѣны неудобнаго министра болѣе желательным кандидатом из своей среды. Вильгельм выбирал своих сотрудников из круга дѣловых людей, прошедших серьезную школу государственнаго управленія, и не мѣнял их как перчатки. Понятно, что этим обезпечивалась преемственность, знаніе дѣла и результаты достигались иные.

Не могу сказать, чтобы пресса во Франціи, в теченіе войны, облегчала правительству выполнение его тяжелых задач и способствовала бы поддержанію его авторитета. Не буду особенно распространяться о нравах, царивших во французской печати, хорошо извѣстных всѣм, кому приходилось соприкасаться с газетным міром, но достаточно сказать, что газетное дѣло в Парижѣ было поставлено на твердыя основанія серьезнаго коммерческаго предпріятія. В коммерческом дѣлѣ всякая услуга оплачивается, и этот принцип считается единственно правильным. Огромное значеніе печати признается всѣми политическими дѣятелями, и посему каждый из них стремится заручиться поддержкой какого либо вліятельнаго органа. Большинство выдающихся политиков с юных лѣтъ были сотрудниками журналов, закрѣпляя с годами узы, которыя их соединяют с тѣм или иным печатным органом. Такой способ дѣйствій, конечно, весьма полезен для политических дѣятелей, из коих многіе обязаны своей карьерой исключительно близости к какой нибудь вліятельной газетѣ. Эта же газета оказывалась в распоряженіи политическаго дѣятеля, когда он становился министром, что опять таки представляло большія удобства личнаго свойства для протезируемаго министра, но нисколько не обезпечивало правительству надлежащей поддержки, так как стоило только данному министру покинуть свой пост, как прежнія похвалы по адресу кабинета смѣнялись ожесточенными нападками.

Припоминаю посѣщеніе меня в Парижѣ одним видным журналистом, сенатором Humbert'ом, который пользовался особенным вліяніем в Сенатѣ благодаря своим рѣзким статьям в «Le Journal»; он мнѣ принес послѣдній номер этой газеты и дал мнѣ прочесть передовую статью за своей подписью, в коей он с ожесточеніем нападал на медлительность правительства в дѣлѣ изготовленія военнаго снаряженія и указывал на непростительные промахи кабинета. Он клеймил преступную его небрежность и заканчивал свою статью сожалѣніем, что во Франціи не примѣняется к министрам, не находящимся на высотѣ положенія, дѣйствіе машинки, столь успѣшно функционировавшей по отношенію к предателям родины во время великой революціи. Если бы господа министры почаще вспоминали об этой машинкѣ, то родина несомнѣнно могла бы только выиграть. Сенатор Humbert с торжеством мнѣ пояснил, что статья его произвела ошеломляющій эффект в средѣ правительства и в доказательство дал мнѣ прочесть только что полученное им письмо Президента Республики, в коем Пуанкаре в

очень ласковым тоном упрекал его в том, что он не посоветовался с ним перед напечатаніем статьи. Пуанкаре писал, что дѣйствія правительства не могут предаваться гласности в полном их объемѣ, почему и может создаваться ложное впечатлѣніе об упущеніях, в то время когда их практически нѣтъ; такія недоразумѣнія, однако, легко устранимы путем личнаго собесѣдованія и двери его кабинета всегда открыты для таких старых и испытанных друзей, как сенатор Humbert; и едва ли он с должным основаніем выразил сожалѣніе о том, что гильотина не примѣняется к провинившимся членам правительства.

Мнѣ потом рассказывали, что сенатор Humbert, скупившій большинство акцій газеты «Le Journal» и ставшій таким образом ея фактическим хозяином, наряду с этим приобрѣл также акціи нѣкоторых предприятий, работавших на нужды государственной обороны, и потому был весьма заинтересован, не только как патріот, в раздачѣ крупных военных заказов. Потом он был не прочь перепродать скупленные им акціи газеты «Le Journal», и в 1917 году судебныя власти затребовали от него объясненія, на каких условіях должна была состояться продажа этих акцій одному американскому банку. Как потом выяснилось, этот банк был подставным лицом ловкой германской фирмы, которая только по какой-то случайности не сдѣлалась обладательницей одной из наиболѣе вліятельных парижских газет.

(Продолженіе слѣдует)

